

**КНИГА М. А. ТРЕЙСТЕРА «ПРОБЛЕСКИ ПАМЯТИ»
В БЕЛОРУССКО-НЕМЕЦКОМ ДИАЛОГЕ**

Современный белорусско-немецкий культурный диалог развивается по разным направлениям: социокультурному, экологическому, экономическому и другим. О желании Беларуси быть партнером в образовательном пространстве, научном и культурном сотрудничестве свидетельствует деятельность Минского международного образовательного центра имени Йоганна Рау, ежегодно проводившийся ранее «Минский форум», служивший платформой для конструктивного диалога по линии Беларусь – ЕС,

осуществление многочисленных белорусско-немецких проектов, издание словарей, материалов международных научных конференций и т. д. Значимыми в этом контексте являются и усилия обеих сторон по сохранению памяти о трагических событиях Второй мировой войны, и в частности деятельность первого в постсоветском пространстве белорусско-немецкого учреждения «Историческая мастерская», занимающегося проблемами изучения Холокоста. Знакомство с экспонатами Исторической мастерской о Минском гетто и лагере смерти Тростинец, экскурсии по территории гетто, размышления на месте этих исторических событий о борьбе за выживание и о гибели многих тысяч белорусских и европейских евреев помогают понять новые смыслы произошедшего тем, кто еще остается живым свидетелем кровавых событий 1941–1943 гг., а молодым поколениям – ужаснуться невиданным масштабам насилия.

Необходимость помнить про Холокост, чтобы он никогда и нигде не повторился, побудила некоторых уцелевших после нацистских истребительных акций узников гетто и концлагерей поделиться своими воспоминаниями о трагическом прошлом. За последние 20 лет в Беларуси появилось немало публикаций таких воспоминаний, что очень важно для сохранения памяти и воспитания молодежи, так как культура в наши дни часто обретает смысл лишь в себе самой, но остается невостребованной обществом. Для некоторых социальных групп и многих людей мир предметов, постоянно увеличиваясь, приобретает самостоятельное значение, а духовный мир ограничивается лишь самым поверхностным приобщением к культуре.

Книга М. А. Трейстера «Проблески памяти» стала одним из самых ярких и потрясающих документов о выживании в гетто, о бегстве из него, о судьбах погибших и выживших сверстников или людей старшего поколения. Впервые книга была издана «Исторической мастерской» в 2007 г., частично опубликована на немецком языке, а в 2013 г. вышла в Нью-Йорке на английском языке в дополненном и переструктурированном виде. Материалы воспоминаний, вошедшие в книгу, первоначально печатались в газете, поэтому они отличаются содержательностью, выверенностью деталей, предельным лаконизмом. Так отдельными небольшими главками они и вошли в книгу, составляя в последнем издании на английском языке три главных раздела: «Проблески памяти», «Визит в КГБ» и «Обложка партбилета». Остановимся более подробно на первом из них. В изданиях на русском языке он начинается сразу с воспроизведения в памяти автора событий июня 1941 г. в городе Минске. Достоверное в каждой своей конкретной подробности описание событий войны, которую М. А. Трейстер встретил четырнадцатилетним подростком, позволяет читателю погрузиться в атмосферу того уже далекого времени, проследить за процессом взросления еврейского мальчика, внезапно выхваченного из детства, вынужденного в кратчайшие сроки освоить профессию (сапожное дело), а главное – научиться самостоятельно и

быстро схватывать смысл всего происходящего, чтобы не погибнуть в первые же дни войны.

Если говорить о содержании книги в целом, то его можно рассматривать в нескольких ракурсах: с позиции диалога как средства выживания в гетто; с точки зрения становления и развития личности взрослеющего человека; наконец, как выражение самосознания автора, прожившего более полувека после победы над фашизмом. Рассмотрим подробнее первую позицию.

Что такое диалог в культуре? Если говорить кратко, то это общение двух разных сознаний, не ограниченное временем и пространством, потому что собеседниками в таком диалоге могут быть уже ушедшие из жизни люди – философы, ученые, поэты – ушедшие, но оставившие живым свои мысли, идеи, образы. Диалог – это не столько обмен информацией, сколько совместная выработка партнерами общих для них знаний, общего миропонимания. Такое достижение единства с Другим необходимо человеку для достижения успеха в его действиях. Подчеркнем еще два обстоятельства, важных для понимания сущности диалога. Во-первых, то, что на философском языке диалог – это духовная форма межсубъектных отношений, т. е. такой способ общения людей, при котором они относятся друг к другу не как к пассивному объекту своих притязаний, желая подчинить его себе, управлять им или хотя бы изучить его со стороны, а как к равному себе субъекту, свободно избирающему свои ценности и не навязывающему их Другому. Во-вторых, диалог не предполагает немедленного приятия идей собеседника, наоборот, это может быть выражение несогласия, дискуссия, отстаивание своих убеждений с учетом противоположных или близких аргументов в споре, но главное, что этот конфликт всегда разрешается мирно, хотя, как правило, и не до конца. Диалог принципиально неисчерпаем, но в каждом своем проявлении бывает ограничен конкретными обстоятельствами. Неудивительно поэтому, что понятие «диалог» стало одной из фундаментальных категорий в культуре и рассматривается в политике как альтернатива вооруженным конфликтам в отношениях между государствами, альтернатива новой мировой войне, несущей угрозу всему человечеству.

Но вернемся к книге «Проблески памяти». Как конкретно осуществлялся диалог 14-летнего подростка с миром в условиях геноцида евреев? Конечно, без рассмотренного выше осознания этого понятия, зато на уровне интуитивно-оперативного схватывания смыслов, так как долго размышлять времени не было. И все же жизнь ставила вопросы, над которыми впервые приходилось серьезно задуматься. Так, когда он прочитал в июне 1941 г. приказ о создании в течение пяти суток «жидовского жилого района в г. Минске», ему пришлось задуматься над вопросом о национальности. Как справедливо утверждается в книге, такого вопроса до войны в Беларуси не существовало. Белорусы и евреи на протяжении столетий жили в согласии, антисемитизм пресекался судом (за слово «жид» в Советском Союзе можно

было получить полтора года тюрьмы). Повсеместная ликвидация церквей, костелов, мечетей, синагог, существующая практика смешанных браков делали неуместным вопрос о национальности. В свидетельствах о рождении ребенка отсутствовала графа о национальности родителей. Поэтому Миша Трейстер вообще не думал о себе как о русском или еврее. В книге есть эпизод о том, как один из гражданских немецких специалистов, присланных из Германии для налаживания производства, избежавший фронта отпрыск аристократического рода совершенно искренне и участливо спросил: «Миша, отчего ты родился евреем?» [1, с. 17]. Ответа на вопрос не было, а действительность заставляла искать способы выживания в этой камере смертников для восьмидесяти тысяч местных и двадцати тысяч депортированных евреев. У них не было надежды на помилование, и срок исполнения неминуемой мучительной казни также оставался неизвестным. Одним из самых первых способов выживания для Миши, его семьи и соседей по сгоревшему дому стал безмолвный диалог с немецкими рабочими хлебозавода. Временно поселившись в зале бывшего кинотеатра напротив хлебозавода, погорельцы бросали свои вещи, уцелевшие под развалинами, в окна второго этажа конторы, а они им за это – продукты (хлеб, сахарин, табак). Еще одним спасительным проявлением диалога в действии для Миши Трейстера стали посещения жившей не в гетто няни, белоруски «мамы Юзи», которая до войны 14 лет была домработницей в их семье и, рискуя жизнью (ведь от соседей по коммунальной квартире ничего невозможно скрыть), всегда давала поесть, а в дни первого погрома (в ноябре 1941 г.) прятала всю семью. Работа подростка вместе со взрослыми русскими на базе ремонтного оборудования ВВС Восточного фронта под руководством гражданских специалистов-немцев также свидетельствовала о мирном и успешном диалоге людей разных национальностей. Самым поразительным примером спасительности такого диалога в действии стало молчаливое одобрение начальником биржи труда в гетто Наумом Эпштейном отчаянно-дерзкого поступка Миши Трейстера, назвавшегося чужим именем. Когда в концлагерь на Широкой, выход из которого был только один – умереть от голода или газа в машине-душегубке, перевозившей заключенных в лагерь уничтожения Малый Тростенец, прибыл самый влиятельный в гетто человек Наум Эпштейн, чтобы выбрать 36 особо ценных специалистов для возвращения на прежнее место работы, и при этом всего на полсекунды затянулось молчание толпы при выкрике очередной фамилии из списка, именно Миша ответил «Есть» и протолкнулся к столу. Польский еврей Эпштейн, знавший Трейстера и, по-видимому того, кто требовался по списку (Наума Розина), удивился, но промолчал. Молчал он и на следующее утро, когда выяснилось, что надо оставить только тех специалистов, которые одновременно входили и в другой список, составленный самыми высокими чинами, а остальных вернуть на Широкую. А когда после такого чудесного спасения и до

ухода в партизаны юноша скрывался в гетто, его не выдал другой человек, еврейский полицейский Шульман, который некоторое время был соседом по квартире. Конечно, можно посмотреть на эти примеры как на исключительное везение, на изначальную предопределенность судьбы, но, на наш взгляд, здесь «работает» философия жизни, в которой снят дуализм души и тела. Тело, по убеждению Ф. Ницше, наделено способностью «мыслить» на довербальном уровне, своеобразным мышлением в движении. В данном случае, чтобы это понять, требуется не столько объяснение, сколько вчувствование, воображение и интуиция, взгляд на происходящее глазами загнанного в смертельную ловушку, измученного страхом и голодом подростка, или, иначе говоря, надо психологически интерпретировать возникшее сопереживание. Становление и развитие личности молодого узника гетто, рост его самосознания происходили в ускоренном темпе, в первую очередь под влиянием событий, определявших жизнь его взрослых соседей по сапожному цеху, страдавших от погромов, под влиянием собственного опыта отсидки в «малине» – одном из тайных убежищ, где узники скрывались от погромов, а также под воздействием рискованных выходов за пределы гетто с целью добыть продукты или подкормиться у «мамы Юзи», за которые, если бы увидели, могли расстрелять на месте. Быстрому взрослению способствовало и наблюдение за явлениями и фактами жизни, о которых не принято было говорить, но которые свидетельствовали о преступлениях нацистского режима, осмысление самых разных способов уходить от наказаний и гибели. Не могли, например, не ошеломить сознание Миши, на первый взгляд, большие кучи мусора по улице Московской, при более пристальном рассмотрении оказавшиеся сваленными телами расстрелянных советских военнопленных, тех, кто был наиболее измучен, ранен или болел. Не могла оставить его равнодушным и судьба Бориса, который был на пару лет старше и имел звание чемпиона Республики по борьбе среди юношей в тяжелом весе. Он был ранен при попытке ухода из гетто, героически отстоял свою жизнь в вооруженной стычке с полицейскими, кое-как добрался до гетто и заполз в инфекционную больницу. А там в течение месяца и даже больше его лечил и выхаживал персонал больницы с огромным риском для жизни. При неожиданно удачном уходе из концлагеря на Широкой именно светлую голову Бориса, возвышающуюся над остальными в серой толпе обреченных, увидел и навсегда запомнил Михаил Трейстер. Его острый и наблюдательный взгляд подмечал много характерных подробностей из повседневности гетто, например то, как офицеры СД расправились с Анной и Кларой – привлекательными девушками – соседками по домику на улице Шорной, где жили после погрома 2 марта 1942 г. Они привезли девушек на Юбилейную площадь, провели по Сухой и расстреляли у одного из рвов на еврейском кладбище. Похожая судьба ждала и третью сестру Фридман –

семнадцатилетнюю красавицу, владевшую немецким и приглашенную для объяснений в немецкую легковую машину. Больше она не вернулась...

Жизненный опыт молодого работника сапожной мастерской обогащался и за счет осмысления многочисленных бытовых подробностей, в частности всеобщего воровства как способа выживания путем обмена или продажи добытого хоть на какую-нибудь еду. И тут тоже не существовало национальных различий: русские, белорусы, евреи и даже немцы воровали добротные подметки для обуви, а евреи умудрялись прятать их в двойное дно банок для баланды, с которыми ходили на работу. Перед страхом сурового наказания или смерти различия между культурами становились второстепенными, как бы стирались, а на первое место выходили базовые структуры индивидуального мироощущения и мировосприятия, такие элементарные основы человеческого существования, как «жизнь», «смерть», «свобода», «время», «судьба», «любовь», «наслаждение» и другие. Эти элементарные, базовые основы человеческой экзистенции одновременно представляют собой универсальные ценности, т. е. присущие людям вообще, без учета их национальности. Адаптация к экстремальным обстоятельствам, какими стало трехлетнее пребывание в Минском гетто, требовала соблюдения «коммуникативной этики» (Ю. Хабермас), т. е. переориентации с европейской рациональности, моделирующей насилие, на принципиально иную структуру, основанную на межличностном общении. Становление и развитие личности в гетто, на наш взгляд, определялось субъектно-субъектным, или «коммуникативным», поведением, предполагавшим принятие Другого в качестве самодостаточной ценности. Такие субъектно-субъектные отношения, ориентированные на понимание, являются принципиально диалогичными, что не исключает усилий интеллекта и подлинной нравственности. Ведь именно нравственность выступает единственной формой ценностного сознания, объединяющей людей независимо от их национальных, мировоззренческих и поведенческих различий. Именно диалог как средство выживания в гетто помогал молодому узнику взрослеть, оставаясь по-прежнему человечным и сообразительным, а позже и проявить незаурядное мужество. Ему удалось уйти из гетто, связаться с партизанами, вернуться снова и вывести целую группу потенциальных смертников, хоть, к сожалению, и не в полном составе, но это уже не зависело от него.

Книга «Проблески памяти» на английском языке (2013) дополнена двумя новыми главами и структурирована иначе, чем белорусское издание. В английской версии события даются в хронологической последовательности: история семьи, детство, школьные годы предшествуют показу жизни в гетто, а само описание дополнено короткими главками о пребывании в Минске немецких военнопленных, о жизни семьи после возвращения в Минск, о военных песнях и о том, что вызывало улыбку, а то и радость у узников («Смех сквозь слезы», «Торг», «Случай на Обувной улице»). Еще одна

важная тема в книге – социальная несправедливость, явное или скрытое давление репрессивного аппарата КПСС на еврейскую интеллигенцию. Эта тема раскрывается в главах «Визит в КГБ» и «Обложка партбилета». Последней не было в издании на русском языке. В английском варианте впервые приводится история двух поколений семьи Соколенко – отца Александра и сына Вилли, всю свою жизнь посвятивших служению идеалам Коммунистической партии. При этом отец был арестован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г., хотя семье сообщили, что он осужден на 10 лет без права переписки. Сын после окончания Белорусского политехнического института смог проявить свои блестящие организаторские способности и профессиональные умения в одном из совхозов Алтайского края, поднял там экономику и культуру настолько высоко, что совхоз прославился на весь Советский Союз. Однако перестройка подорвала авторитет Коммунистической партии, все в этом совхозе (Санниково) было разворовано и разрушено, а Соколенко не сдался, стал поднимать другое хозяйство, восстанавливал первое, всегда был энтузиастом и бессеребренником, и это выглядело странным на фоне всеобщего личного обогащения. Сохранилась ли у него та вера в идеалы, которую вместе с обложкой партбилета во время ареста передал ему отец? Этот вопрос остается в книге открытым, хотя своеобразной подсказкой для читателя может служить позиция автора, выраженная в главе «Визит в КГБ». В 60-е гг. XX в. автор на себе испытал «мягкое» давление партийного аппарата на особенно любознательных евреев, захотевших познакомиться с запрещенной в Советском Союзе, но свободно издающейся на Западе литературой, за что и расплатился продвижением в карьере. Позиция автора книги – специалиста в области проектирования и эксплуатации энергосистем, а в течение последних 15 лет – председателя Белорусского общественного объединения узников гетто и нацистских концлагерей, – только иногда высказывается прямо, но постоянно присутствует в книге. Она заключается, во-первых, в честном, правдивом описании конкретных подробностей тех событий, очевидцем которых он был, во-вторых – в отсутствии хвастовства хоть в самой малейшей степени, выставления себя на первый план, наконец, в-третьих – в окрашенности всего повествования юмором, как бы это и ни казалось странным при описании драматических или трагических событий. Например, юмористическую ноту в главке «Коррекция профиля» вносит воспоминание о том, как подросток хотел придать своей внешности большую похожесть на славянскую и для этого самостоятельно изготовленным специальным приспособлением «формовал» из длинного курносый нос. Можно только представить, какой результат наутро был налицо, вернее, на лице. Или еще один смешной момент в воспоминании о том, как мастера из сапожного цеха учили новичка «размачивать» в ванночке с водой массивную чугунную лапу якобы для «умягчения» кожи. Или о том, как при первой встрече с партизанами они предложили ему обменять свои отлич-

ные сапоги на какие-то драные опорки, на что недавно спасшийся узник заметил: «Это было предложение, от которого я не смог отказаться» [1, с. 47]. Конечно, понимает читатель, как же тут откажешься, если могут не взять в отряд или даже застрелить как шпиона. Юмором светится и главка о том, как уже в партизанском отряде он спасался от чесотки и при этом проявил такую изобретательность, что девушки приняли было его за лесного маньяка. Такие юмористические моменты говорят о присущей молодости жизнерадостности, неистребимой даже в гетто, а также о писательском умении автора органично сочетать драматическое или трагическое со смешным.

Авторская позиция высказывается прямо в публицистическом отступлении от повествования, в главке «Этого быть не могло. Но было». В ней утверждается, что Холокост – это не только тысячи и миллионы погибших, не только статистика, но и совершенно особое психическое состояние человека, приговоренного к смерти без вины и без надежды на помилование. Это жуткий, непреходящий голод, когда все мысли сосредоточены только на еде, это холод, от которого негде спрятаться, подобный на злое дыхание смерти, это глаза выползшего на улицу четырехлетнего ребенка, случайно уцелевшего при погроме, или взгляд соседа по верстаку, которого третьи сутки не выпускают из цеха, в то время как его семью убивают в погроме. Эта тема, заключает автор, не для борьбы амбиций и состязания красноречий, о ней надо меньше говорить и больше думать. И совершенно логично звучит обобщение М. Трейстера в конце этой маленькой главки, которым мы и закончим рассмотрение книги: «Однажды школьник в Германии после нашей беседы спросил: “Как все это могло быть?!” И я ему ответил: “Этого быть не могло. Но все это было...”» [1, с. 29].

Литература

1. Трейстер, М. Проблески памяти. 4-е изд. / М. Трейстер. Минск, 2007.